

—
Когда он произнёс эти слова, Линь Цзыкуй действительно ни о чём не жалел.

Вторая госпожа Сяо, возможно, и была очень хорошим человеком, но он не мог жениться на ней и не был удостоен чести быть зятем господина Сяо. Зато Линь Цзыкуй встретил более достойную Сяо Чжаолин.

Человека, которого он встретил в храме Синчжи, звали Сяо Чжаолин.

Человека, который заставил его сердце трепетать, звали Сяо Чжаолин.

Человека, который проводил его и доставил вино из цветков персика, звали Сяо Чжаолин.

Линь Цзыкуй обнимал широкую спину, расстояние между ними было таким малым, и биение сердца, которое вырывалось из его груди, наполняло его чувством любви, словно они были единственными друг у друга. В этот момент, в этом замкнутом пространстве, это чувство нахлынуло на него.

Сяо Фу хотел его поцеловать и сделал это. Ему не нужно было прилагать усилий. Он легко клюнул его несколько раз. Линь Цзыкую некуда было деться, и он мог только принять это. Его лицо вспыхнуло, и он услышал шёпот: «Ну, Линь-лан, как насчёт нашей помолвки?»

«Это соглашение о помолвке... у госпожи Сяо. Она его давно порвала». Линь Цзыкуй чувствовал головокружение от его простых поцелуев. Хотя он не мог видеть, ему казалось, будто перед глазами взрываются и сверкают фейерверки.

Линь Цзыкуй сказал: «Я... это неважно, и мне не нравилась дочь из семьи Сяо».

Сяо Чжаолин улыбнулся, прищурив глаза: «Тебе нравлюсь я, верно?»

«Да...» — ему было слишком стыдно говорить это прямо. Линь Цзыкуй долго думал, как сказать, и наконец сказал по-учёному: «Я знаю твои чувства, ты знаешь мои. Эту любовь небеса должны засвидетельствовать».

«... Ах ты, маленький учёный», — Сяо Фу больше не целовал его, потому что почувствовал, что весь горит. Сяо Фу не хотел в первый раз в таком месте вытаскивать свой кинжал и пугать его. Поэтому он просто тёрся кончиком своего носа о его: «Так сложно сказать, что я тебе нравлюсь? Зачем читать стихи?»

«Потому что я учёный... Смысл этих слов в том, что я знаю, что ты чувствуешь ко мне, и ты знаешь, что я чувствую к тебе. Небеса могут это засвидетельствовать».

Линь Цзыкуй помнил, что ему не нравилось, когда он читал стихи, но сейчас он был так взволнован, что забыл об этом. В его животе горел огонь. Он уже принимал любовное зелье, но это чувство было совершенно другим.

Линь Цзыкуй также вспомнил о его ранах: «Госпожа Чжаолин, не пора ли нам выбраться отсюда? Я ничего не вижу, а у тебя ранена нога. Нам нужно найти место, чтобы обратиться к лекарю. Я совсем не знаю, где мы», — его голос стал обеспокоенным. «Я боюсь, что люди из партии Сюй будут преследовать меня до храма Синчжи».

«Не будут. Что это за место — храм Синчжи? Это место уединения. Никто не осмелится ворваться туда и похитить тебя. И ты забыл, что я владею боевыми искусствами, и у меня есть охрана, которая сможет защитить тебя и твоего слугу». Он обещал ему это, а затем спросил Линь Цзыкуя: «Каковы твои разногласия с партией Сюй?»

Обида и негодование, которые Линь Цзыкуй держал глубоко в сердце, снова всплыли, когда Сяо Фу упомянул об этом.

Сяо Фу вдруг почувствовал это и поспешно покачал головой: «Ладно, ладно, не будем об этом говорить. Не думай об этом».

«В любом случае... я всё равно собираюсь покинуть Цзиньлин. На самом деле, в этом нет ничего особенного, и нет ничего, что нельзя было бы сказать. Они ведь не будут преследовать меня до уезда Фэнтай, верно?» — Линь Цзыкуй чувствовал жар. Горячее дыхание Сяо Фу касалось его лица. Он слегка повернул голову и прижался подбородком к шее Сяо Фу.

Линь Цзыкуй был немного смущён, но раз уж они уже так близки...

Ладно. Линь Цзыкуй набрался смелости и начал рассказывать о старой истории: «Три года назад я приехал в столицу, чтобы сдавать экзамены, и учился в академии Интянь. Я жил в одной комнате с братом Таном».

Сяо Фу слушал очень внимательно: «Угу».

В душе он ругался на этого извращенца, Тан Мэнъяна.

«В академии ко всем относятся одинаково. За исключением высокопоставленных чиновников или знатных особ, таких как принцы, генералы или министры, все живут в одной комнате. По несколько человек живут вместе, без исключения. Иногда в одной комнате жило ещё больше студентов. Я... тогда сдал экзамены на цзеюаня и был самым молодым цзеюанем со времён основания династии Е».

Это, конечно, было очень впечатляюще, но в его словах не было и намёка на хвастовство.

Сяо Фу похвалил его: «Линь-лан, какой же ты умный».

Линь Цзыкуй смутился: «Я умён только в учёбе, в остальном я ни на что не гожусь. Все говорят, что в других делах я глупый».

«Нет, мой Линь-лан умеет готовить чайные яйца, куриный суп, покупает мне вино, а ещё умеет шить одежду и разжигать уголь. Ты умеешь всё... У тебя так много достоинств».

Эти незначительные вещи стали достоинствами в глазах Чжаолин.

Это смутило Линь Цзыкуя.

Сяо Фу рассмеялся: «Ладно, ладно, продолжай. Ты и этот извра... брат Тан, жили в одной комнате. И что дальше?»

«Нас было только трое: он, я и ещё один молодой господин по фамилии Хуан. Я был цзеюанем, и это было привилегией академии, а этот господин Хуан был из семьи купца и дал академии много денег. Брат Тан был из известной семьи Цзяннаня и очень хорошо учился».

Сяо Фу скривил губы. Он не ожидал, что Линь Цзыкуй будет хвалить этого Тан Мэнъяна!

«Этот обрезанный рукав ничего с тобой не сделал? Тебе тогда было всего четырнадцать».

«Нет, нет», — Линь Цзыкуй поспешно отрицал. «О том, что он обрезанный рукав, я узнал от тебя только недавно. Раньше я об этом не думал. Мне было четырнадцать, что он мог подумать обо мне? Просто мы жили вместе, были ближе, чем другие, и часто проверяли друг у друга домашние задания. Тогда брат Тан отвёл меня в резиденцию главы кабинета министров Сюя, чтобы подать прошение о посещении, но, конечно, нас не пустили».

Сяо Фу вмешался: «Разве ты не хотел, чтобы премьер-министр Сюэ был твоим учителем?»

«М-м... Это было позже», — он медленно сказал. «Я очень восхищался главой кабинета министров Сюем. Но через несколько дней брат Тан отвёл меня в клуб Цзинцзи, чтобы участвовать в поэтическом конкурсе. Я тогда был слишком молод и не знал, что не должен был так выделяться».

Возможно, он затронул самую болезненную для него тему. Сяо Фу в темноте смутно видел, как меняется его выражение лица. Его губы опустились вниз и плотно сжались. Он пытался сдержать эмоции. Всё его тело напряглось и немного дрожало.

«Линь-лан... ты не виноват, что оказался в центре внимания. У тебя есть талант, ты умён, ты должен показать свой талант всему миру. Понимаешь? Ты — сокровище страны, ценный ресурс для общества. Если бы у страны был мудрый правитель, он бы ценил тебя, как сокровище. Это не твоя вина. Это ошибка коррумпированных чиновников, которые существуют уже тысячи лет!» Ему не нужно было говорить, Сяо Фу уже примерно понимал, что произошло.

Линь Цзыкуй всхлипнул, думая, что он не должен терять самообладание перед госпожой Чжаолин, и, сдержавшись, сказал: «Когда я был маленьким, я читал «Правила ученика», где говорится: 'Тот, кто талантлив, сам по себе велик. Люди уважают не за громкие слова'. Я думал, что хотя я молод, я сдал экзамены на цзюаня в Хуайнани, и меня не должны презирать за то, что я маленький и низкий! Поэтому я соревновался с людьми в поэзии. Только в конце я узнал, что человек, с которым я соревновался, был Сюй Чжоцзюнь, сын главы кабинета министров Сюя. Он был неплохим учёным, но в последнем раунде, где нужно было сочинять стихи за семь шагов, он проиграл мне, четырнадцатилетнему мальчику. И тогда брат Хуан... даже сказал что-то неприятное о Сюе».

Линь Цзыкуй не мог этого сказать.

Но он очень хорошо помнил.

Он помнил его тогдашний тон и интонацию. С веером он радостно говорил: «Младший брат Линь, я не ожидал, что ты такой талантливый! Этот великий талант Цзиньлина, Сюй Чжоцзюнь, не так уж и хорош. Какой позор, что он, сын главы кабинета министров Сюя, проиграл в поэтическом состязании такому ребёнку, как ты! Посмотри на него, он не может признать поражение, ха-ха-ха. Наверное, пойдёт к своему старому отцу жаловаться!»

Выражение лица Тан Мэнъяна тогда было не очень хорошим, и он одёрнул брата Хуана, чтобы тот замолчал.

Брат Хуан был очень наивен и покачал головой: «Эх, здесь, так близко к императору, у главы кабинета министров Сюя всегда была репутация любителя талантов. Сегодня наш младший брат Линь отличился, и скоро, наверное, станет приёмным сыном министра Сюя!»

Линь Цзыкуй тогда не понимал этого. Он сказал, что брат Хуан преувеличивает, но в душе

думал: «Могу ли я действительно стать приёмным сыном главы кабинета министров Сюя?»

Для всех учёных это была несбыточная мечта.

Стать приёмным сыном министра Сюя означало иметь прямой путь к успеху.

Но брат Хуан всё-таки попал в беду.

Линь Цзыкуй чувствовал, что его глаза затуманены и немного болят. Он сказал: «На следующий день, на улице, брат Хуан небрежно прочитал два стиха, и его оклеветали, сказав, что он неуважительно относится к покойному императору. Его обвинили в измене! Но я был рядом и знаю, что это были всего лишь два стихотворения о любви! Его схватили и посадили в тюрьму Шуньтянь. Я пошёл его навестить, и брат Тан дал денег, чтобы меня пропустили. Я принёс ему еды, там была куриная ножка. В тюрьме он был очень рад и сказал, что наконец-то есть что-то вкусное... Кто бы мог подумать».

Эта куриная ножка стала для брата Хуана последней едой.

Он стиснул зубы. Сяо Фу крепче обнял его, постоянно поглаживая по спине: «Цзыкуй, давай больше не будем об этом говорить. Всё в порядке. Только не плачь».

Такое случалось с древних времён. Сяо Фу не был знаком с системой экзаменов. Это не имело к нему никакого отношения, ему не нужно было их сдавать. Но о том, как подавляют молодых учёных, он кое-что слышал.

Теперь, услышав слова Линь Цзыкуя собственными ушами, и без того не слишком сдержанный нрав Сяо Фу наполнился жадой убийства.

Его брат Хуан был убит. И что пережил тогда такой маленький, такой милый Линь-лан? Сяо Фу не хотел больше слушать и не хотел, чтобы он продолжал.

Подумав, Сяо Фу слегка наклонил голову: «Сюй Чжоцзюнь, что если я убью его для тебя?»

Линь Цзыкуй подумал, что он шутит и просто утешает его. Он знал, что в мире много людей, которые держат в себе ненависть. Мечь... он держал её в сердце, но просто кивнул: «Хорошо, убей его».

Голос Сяо Фу был не очень серьёзным. Он говорил так же обыденно, как о том, что есть на ужин: «Какая смерть тебя больше всего удовлетворит?»

«Я хочу, чтобы его заключили в Небесную Тюрьму. Даже если Сын Неба нарушает закон, он виновен так же, как и простолюдины. А он, сын кабинета министров Сюя, должен быть осуждён перед всем миром. Его следует обезглавить у ворот Умэнь, чтобы небеса и люди отвергли его, чтобы потомки помнили об этом и были осторожны...»

Линь Цзыкуй испытывал глубокую ненависть, но не мог выразить её словами.

Такие люди, как он, даже ненавидели по правилам.

Сяо Фу: «По-моему, обезглавливание у ворот Умэнь — это слишком легко».

Услышав это, Линь Цзыкуй горько усмехнулся: «Я знаю, это невозможно. Я рассказал об этом только тебе. Я не смею рассказать об этом никому другому. За последние несколько лет я не осмеливался произнести ни слова». Но каким-то образом он всё же рассказал Сяо Чжаолин.

Возможно, потому что его тепло так располагало к доверию.

Сяо Фу почувствовал это сильное доверие. Он знал, что ему нужно было высказаться, что он очень долго и мучительно держал это в себе.

«Линь-лан, ты можешь рассказать мне всё». Сяо Фу спросил его: «Кого ещё ты хочешь убить? Я убью их всех».

Его почти наивный тон заставил Линь Цзыкуя только посмеяться: «Никого больше не нужно убивать. У меня нет врагов. Я просто хочу, чтобы виновные понесли заслуженное наказание».

«Что ж, Сюй Чжоцзюнь такой, потому что его отец поддерживает его за кулисами. Вот почему губернатор округа Шуньтянь — верный пёс семьи Сюй».

Сяо Фу подумал, что сначала он сделает из Сюй Чжоцзюня «человека-свинью», сошьёт его с отцом, а потом обезглавит у ворот Умэнь.

Сяо Фу уже возбудил подозрения Вэньтая к министру Сюю. Изначально он хотел оставить это Юйвэнь Дуо, но, к сожалению, Юйвэнь Дуо может не дожить до весеннего праздника.

Лучше, чтобы это случилось после праздника фонарей, потому что Сяо Фу хотел отвезти Линь Цзыкуя на лодке по реке Циньхуай. Один из его глаз был не сильно повреждён, и третий брат сказал, что он сможет им видеть.

Если бы был национальный траур, праздник бы отменили. Весь Цзиньлин был бы в белом, и везде звучали бы траурные песни. Как это некрасиво! Праздники должны быть весёлыми: фейерверки, лодки, фонари, засахаренные фрукты и загадки! Тогда Линь-лан будет счастлив!

Сяо Фу, проявив великое милосердие, решил дать Юйвэнь Дуо пожить ещё один день. Пусть умрёт после фейерверков.

Больше ни дня. Скоро весенние экзамены.

—

Примечание автора:

Юйвэнь Дуо: Я благодарен вам, мой дорогой дядя!

—

<http://bllate.org/book/14420/1274671>